

Роман

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г89

Дизайн обложки Дмитрия Агапонова

Гнатюк Валентин.

Г89 Игорь. Корень Рода/ Валентин Гнатюк, Юлия Гнатюк. – Москва : Издательство АСТ, 2019. – 448 с. – (Славянская книга).

ISBN 978-5-17-108984-9.

Роман «Игорь. Корень Рода» является третьим в цепочке повествования о первых новгородско-киевских князьях периода становления и развития Русского княжества в IX-X веках. Читатель уже знаком с романами «Рюрик. Полёт Сокола» и «Руны Вещего Олега», написанными нами в соавторстве с Михаилом Николаевичем Задорновым.

Князь Игорь – первый древнерусский князь, чьё имя известно как византийским, так и западным источникам.

В этом романе мы изложили версию исторических событий, которая кажется нам логично оправданной.

Князь Игорь, названный впоследствии Старым, вложил свой камень в жидительство Русского княжества, достойно обогрорял его и укреплял, не утратив ничего из завоёванного ранее его отцом Рарогом-Рюриком и дядькой Олегом Вещим. Он положил начало династии Рюриковичей, правивших на Руси более шестисот лет.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-108984-9.

© Гнатюк В., Гнатюк Ю., 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2019

*Светлой памяти
Михаила Николаевича Задорнова
посвящается*

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Роман «Игорь. Корень Рода» является третьим в цепочке повествования о первых новгородско-киевских князьях периода становления и развития Русского княжества в IX-X веках. Читатель уже знаком с романами «Рюрик. Полёт Сокола» и «Руны Вещего Олега», написанными нами в соавторстве с Михаилом Николаевичем Задорновым. К великому сожалению, тяжёлая болезнь и преждевременный уход из жизни не позволили Михаилу Николаевичу принять участие в написании книги о князе Игоре. Поэтому данный роман мы посвящаем светлой памяти талантливейшего человека и нашего литературного друга.

Князь Игорь — первый древнерусский князь, чьё имя известно как византийским, так и западным источникам.

В летописях он предстаёт, как князь-неудачник, которого греки сожгли лодейным огнём, а потом, одержимого ненасытностью, убили древляне.

Однако ряд фактов позволяет нам оценить описываемые события под несколько иным углом зрения.

Никто из историков не уделил внимания тому очевидно-му факту, что после «поражения» греческим огнём, дружина Игоря не обратилась в позорное бегство, как это описывают греческие хроники, а принялась крушить побережья Стенона (так византийцы называли Босфор), предавать огню и разграблению азиатские византийские фемы — *«и почаша воевати Вифиньския страны, и пленоваху по Понту до Ираклия и до Фофлагоньскы земля, и всю страну Никомидийскую попо-*

лониша, и Судъ весь пожьгоша» (ПВЛ*). И длилось это три месяца — с июня по сентябрь. Так, из переписки двух митрополитов, Александра Никейского и Игнатия Никомидийского, мы узнаем, что россы хозяйничали во всей «Никомидийской стратигиде» (феме Оптиматов), доходя до ее столицы — Никомидии, находящейся на побережье залива Мраморного моря примерно в 100 км к юго-востоку от устья Босфора. Кроме того, письмо Константина VII Багрянородного, обладавшего в то время титулом императора-соправителя, к его другу и наставнику Феодору, митрополиту Кизика, свидетельствует, что нашествие россов парализовало морское сообщение между европейскими и азиатскими провинциями Империи.

Урон, нанесённый князем Игорем Византийской империи, был сопоставим разве что с уроном после голода и крестьянских восстаний 928-932 годов под руководством Василия Меднорукого. Роман Лакапин велел казнить Василия и в 932 году его сожгли на площади Амастриан, тем самым положив конец мятежу.

В 941 году пришедший за данью флот Игоря был частично сожжён греческим огнём, а пленные русы казнены на форуме Быка. Однако это не стало устрашением, а послужило причиной яростной мести со стороны русов, разорением азиатских фем и последующей экономической блокадой Константинополя. Только собранные со всех концов Империи войска и вернувшийся из Средиземноморья флот смогли одолеть русов и вынудить их уйти.

Именно по этой причине, когда Игорь через два года собрал большое войско вместе с союзниками-печенегами, Империю охватил ужас от недавних воспоминаний «кровавого пиршества россов». И поэтому «лучшие люди» Романа Лакапина поспешили навстречу в Болгарию, где у Дуная император предложил Игорю через своих посланников «дань, юже ималъ Олегъ, и придамъ еще къ той дани» (ПВЛ). Всем известно, какую великую дань взял у греков Олег Вещий в 907 году. И добровольно предлагать «ещё большую» можно было

* Повесть временных лет.

только при особых обстоятельствах. Такими обстоятельствами и был поход Игоря в 941 году, повторения которого Византия никак не могла допустить.

Вскоре после выплаты дани император Роман Лакапин *«присла...послы къ Игореви построить мира перваго; Игорь же глаголавъ съ ним о мире. Посла Игорь мужи свои къ Роману»* (ПВЛ). То есть, важнейшим направлением византийской дипломатии этого периода было заключение мира с русами, к которым император по собственной инициативе отправил своих послов. Этот договор между «русами и христианами» *«на вся лета, дондеже солнце сияеть и весь миръ стоитъ»* и был заключён в 944 году после обмена посольствами и взаимных клятв пред ликами своих богов.

В 1950 году в Придунавье румынские учёные обнаружили камень с так называемой Добруджанской надписью. Речь идёт о каком-то важном событии 6451 года (943 г.), связанном с Византией (начало не сохранилось). М.Н. Тихомиров* предположил, что в надписи говорится о походе Игоря на Византию (поход действительно состоялся в 943 году, а не в 944, как о том говорит ПВЛ, и договор Игоря с греками датируется, соответственно, 944 годом). Академик Б.А. Рыбаков предложил вариант реконструкции надписи: **«Дань взял князь Игорь на грецах в лето 6451 при Димитрии жупане»**. Добруджа называлась ещё Русским островом, так как была населена в основном выходцами из славянских народов. И не случайно сын Игоря Святослав Хоробрый пришёл в эти места и легко занял «80 городов по Дунаю», основав новую столицу Переяславец.

В ту же осень (по летоисчислению ПВЛ это был уже 945 год, поскольку начало года наступало 1 сентября), Игорь идёт за данью к древлянам, «замыслив» увеличить её, чтобы одеть свою «нагую» дружину. Вы представляете себе, читатель, размер богатства, только что взятого у греков? «Нагой»

* Михайл Николаевич Тихомиров — советский историк-славист, источниковед, специалист в области истории культуры России X—XIX веков. Академик АН СССР (23.10.1953, член-корреспондент с 04.12.1946).

дружина Игоря быть никак не могла. Иное дело — порядок, по которому князь должен идти в полюдье. Из источников известно, что Игорь предоставил право своему воеводе Свенельду собирать дань с уличей и тиверцев, которых он покорил. Теперь же он поручил воеводе собрать дань также и с древлян, что вызвало недовольство со стороны дружинников. Далее разворачивается детективная история «жадности и покарания», описанная автором ПВЛ. Однако опять же факты — вещь упрямая. По византийским источникам (письмо императора Цимисхия к князю Святославу) оказывается, что Игоря убили не древляне, а германцы, казнив его своим «готским» способом. Воевода Свенельд возвращается цел, невредим, а князь Мал отчего-то сразу после убийства засылает к Ольге сватов. Ольга же со Свенельдом расправляются со всеми древлянскими посланниками, а затем дотла сжигают Искоростень, словно разом избавляясь от всех свидетелей.

В данном романе мы изложили свою версию событий, которая кажется нам логично оправданной.

Князь Игорь, названный впоследствии Старым, вложил свой камень в зиждительство Русского княжества, достойно оборонял его и укреплял, не утратив ничего из завоёванного ранее его отцом Рарогом-Рюриком и дядькой Олегом Вещим. Он положил начало династии Рюриковичей, правивших на Руси более шестисот лет. Последний из Рюриковичей — сын Ивана Грозного Фёдор не имел детей и скончался 7 января 1598 года в Москве. После его смерти стал править Борис Годунов.

Валентин и Юлия Гнатюк

Часть первая

**ХВАЛИССКОЕ
МОРЕ**

Пролог

Корень рода

Лета 6370 (862), г. Рарог, Вагрия

Князь Рарог отправился в Священную рощу. Он хотел один на один поговорить с волхвом Ведамиром, который в отрочестве был наставником и его, и Синеуса с Трувором.

— Доброе и великое дело задумал твой мудрый дед Госто-мысл, — выслушав ободритского князя, молвил старый кудесник. — Объединение Руси, укрепление её славных родов. Мыслью, в Новгородчине есть много лепых словенок, с которыми упрочился бы род Варяжской Руси? — с лукавинкой спросил волхв, как в душу заглянул.

Помолчали.

— Отче, — с усилием молвил Рарог, — я в поход собрался, хотел благословения у тебя и богов на дальний путь испросить. А мне нынче все о Роде твердят. Отчего-то смущение на душу легло, — признался князь. — Что посоветуешь, отче?

Ведамир поглядел куда-то вдаль.

— Скоро праздник Жатвы на острове Руян, тот великий день, когда раз в году Свентовид пророчествует. Испроси у Великого Бога совета, как тебе лучше поступить, — предложил учитель. И Рарогу показалось, что лукавая искорка опять мелькнула в очах старика.

Проходя на пристань с женой, матерью, братьями, Ольгом и верными охоронцами к лодиям, чтобы плыть на остров Руян, князь заметил странного человека, который сидел на колоде у дороги, ведущей к причалу. Вокруг него вились детишки, словно воробьи у случайно рассыпанного кем-то зерна. Человек показался ему знакомым, но вспомнить, где же он его видел, не мог. Рарог оглянулся, ища Вольфганга, молодого рыжего франка, который многое ведал о разных людях.

— Я здесь, княже, — будто услышав его мысли, откликнулся франк, появляясь из-за спин рослых ободритов. Словенская речь его была почти чистой.

— Скажи, кто это? — кивнул Рарог на худого нескладного человека.

— Так это же тот самый черпальщик, которого вы спасли с горящего драккара, — ответил Вольфганг.

— А почему вокруг него дети? — спросил князь, замедляя шаг.

— Он режет из дерева дудочки, свиристелки да игрушки разные, вот детишки вокруг и вьются. Ещё разговоры ходят, что те игрушки и свистки непростые, будто от всяких напастей они защищают, вроде обережников.

— Так он теперь тем живёт, что продаёт эти поделки?

— Нет, княже, он просто раздаёт всё детям.

Рарог, заинтересованный, пошёл к бывшему рабу и стал подле, наблюдая, как неспешно, но ловко старый почерневший нож с выщербленной ручкой вырезает добрую и потешную зверушку. Сделав последнее точное движение, нож замер, а морщинистая тёмная длань протянула зверушку девочке, которая глядела на неё, как на чудо, широко открытыми сверкающими радостью очами.

Черпальщик поднял очи на князя, и этот взгляд удивил Рарога. Он глядел на него и одновременно куда-то очень далеко, будто в сём взгляде помещалось всё, что было, что есть и что будет, и ещё много чего, людям неведомого.

— Как тебя зовут? — спросил Рарог.

Человек безразлично пожал плечами.

— Люди зовут Черпальщиком. — Потом взял из вороха лежащих рядом сучков и обрезков деревяшку и, показав её собеседнику, спросил: — А как ты назовёшь это? — Теперь

пожал плечами Рарог. — Если я вырежу из неё оленя, ты назовёшь его оленем, а если ежа, то ежом, если птицу — птицей, не так ли? — продолжал вопрошать Черпальщик. — Так что я держу в руке?

Рарог развёл руками:

— Я вижу корень...

— Корень Рода, — закончил бывший черпальщик и сделал несколько движений ножом. — Держи, князь, это твоему сыну, пока он будет при нём, ничего худого с ним не случится.

— Эге, человек, — рассмеялся Рарог, вертя в руках маленькую странную фигурку, — ты ошибся, у меня дочь.

— Это для твоего сына, — снова ровным голосом повторил Черпальщик и ещё раз так глянул на князя своими глазами без страха, зависти, радости или горя, что Рарог покорно взял маленького деревянного человечка и зажал его в своей крепкой длани.

— Почему ты не берёшь плату за свою работу?

— Вы меня спасли не за плату. От этого и моя душа стала другой, такой, что может творить чудо, а это нельзя мерить никакими деньгами. Это чудо — божий подарок, князь, вот я и делюсь им с другими. Не забывай то, что я тебе сказал...

— Чудной человек, да и, в самом деле, побывав рабом-черпальщиком на драккаре викингов, либо тронешься разумом, либо станешь мудрецом, не знаю, какой здесь случай, — сказал спутникам Рарог, продолжая свой путь к причалу и сжимая в руке странного деревянного человечка.

Глава первая

Годовщина Гвена

Лета 6420 (912), г. Киев

— Гляди, снова к Фарлафу воины скачут, да все не простые, поди, темники да тысяцкие! — Судачили промеж собой соседи воеводы Варяжской дружины, когда мимо, взметая крепкими конскими копытами облачка снега и расшвыривая